

Глава 18: Спокойной ночи

После нескольких компрессов со льдом лодыжке Доу Иня стало значительно лучше, и он даже смог немного поиграть с Юй Чэном в приставку.

Цзян Сяньи, повзрослев, охладел к подобным развлечениям, но, не желая портить друзьям настроение, устроился рядом и, перебирая струны гитары, подбирал на слух понравившиеся мелодии.

Когда за окном начало смеркаться, Юй Чэн внезапно спохватился:

— Пойдите-ка... Мы же забронировали столик в «Гуйюй Шаньфан». Как быть с ужином?

Цзян Сяньи взглянул на часы. Если поторопиться, они еще успевали, но Доу Иню с его ногой это было бы неудобно.

— Я готов ехать в любой момент. Кто-то хочет сейчас выходить?

Все трое погрузились в молчание.

Спустя мгновение Юй Чэн первым сдался, махнув на всё рукой:

— Я больше не хочу толкаться в этой толпе. Давайте поужинаем дома.

На улице по-прежнему было слишком многолюдно. В этот час туристы как раз возвращались в отели, и давка обещала быть не меньше, чем днем.

Цзян Сяньи вопросительно изогнул бровь.

— Хорошо. Закажем доставку или кто-то приготовит?

— Я в университете уже смотреть не могу на эту еду из доставки, — тихо пробормотал Юй Чэн.

— Давайте я что-нибудь приготовлю. Главное, чтобы не ты...

Заметив, как помрачнело лицо Цзян Сяньи, Доу Инь с трудом сдержал улыбку.

— Почему ты так говоришь?

Юй Чэн, словно найдя отдушину, тут же выпалил:

— Цзян Сяньи во всем хорош, невероятно надежный и красивый, но готовит он просто отвратительно! Пустить его на кухню — все равно что устроить взрыв...

— Однажды он делал куриные крылышки в кока-коле и решил поэкспериментировать, заменив колу на спрайт. У него и так-то получалось не очень, а тут он поднимает крышку, а там какое-то жуткое зеленое, пузырящееся нечто! Мне потом несколько ночей снились кошмары, будто за мной гоняются куски жуткой зеленой мертвечины, словно ожившие зомби!

Доу Инь представил себе эту картину и рассмеялся, весь сотрясаясь от смеха.

— Значит, есть все-таки что-то, чего семпай не умеет.

Цзян Сяньи смутился так, что его щеки вспыхнули.

Он приложил тыльную сторону ладони к лицу, а затем сделал несколько больших глотков воды.

— Хватит об этом.

Он действительно не умел готовить. Те рисовые шарики с османтусом и вином, которыми он угощал Доу Иня, не требовали никаких кулинарных навыков — нужно было просто смешать ингредиенты.

Да и, по правде говоря, у Цзян Сяньи не было ни повода, ни возможности учиться. Раньше в доме была помощница, но недавно она уехала на родину, чтобы помогать с внуками. К тому же, началась учеба, и большую часть времени он проводил вне дома.

Да и зачем, когда вокруг столько ресторанов и так развита служба доставки.

Но Юй Чэн был непреклонен: никакой доставки и, уж тем более, никакой стряпни Цзян Сяньи.

Доу Инь с улыбкой посмотрел на них и предложил:

— Давайте я приготовлю. Я умею.

Цзян Сяньи окинул взглядом его руки — длинные, тонкие пальцы, словно созданные для игры на фортепиано, с аккуратными ногтями. Настоящий утонченный молодой господин.

— Ты? Умеешь?

Доу Инь, проигнорировав его удивление, опёрся о диван и поднялся.

— Да. Что бы ты хотел поесть, семпай? Я все приготовлю.

— Ты же ногу подвернул, какая готовка? — возмутился сзади Юй Чэн. — И почему ты не спрашиваешь, чего хочу я?!

— Ничего страшного. Считайте это моей благодарностью за то, что вы сегодня взяли меня с собой.

Юй Чэну стало совестно взваливать готовку на раненого, и он, отбросив приставку, тут же подскочил, чтобы помочь Доу Иню на кухне.

...но уже через несколько минут был изгнан, так как только мешал процессу.

Меньше чем через час на столе стояли четыре блюда: свиные ребрышки в кисло-сладком соусе, суп из пекинской капусты, креветочные шарики с васаби и суп-пюре из таро.

Юй Чэн был поражен. Он сделал несколько фотографий на телефон.

— Сяо Инь, так ты и вправду умеешь готовить!

Цзян Сяньи, раскладывая палочки и миски, тоже не скрывал удивления.

Он думал, что под «умею готовить» подразумевалось что-то простое, но не ожидал, что каждое блюдо будет выглядеть так аппетитно.

Доу Инь, все еще в фартуке, с перехваченным на затылке хвостом и несколькими выбившимися прядями у лица, стоял рядом, нервно теребя край брюк.

— Попробуйте. Может, что-то не так?

Юй Чэн без церемоний подцепил ребрышко, и его глаза тут же загорелись.

— Это невероятно вкусно!

Цзян Сянъи тоже сел за стол и кивком пригласил Доу Иня присоединиться.

Вопреки своей сдержанной внешности, он любил сладкое. Положив в рот кусочек ребрышка, он почувствовал идеальный баланс сладости и кислинки, нежное, сочное мясо.

Соус покрывал ребрышки тонким, равномерным слоем, не заглушая, а лишь подчеркивая их вкус.

Доу Инь напряженно следил за его реакцией, его миндалевидные глаза округлились от волнения.

Цзян Сянъи молча поднял большой палец вверх, и только тогда Доу Инь расслабленно улыбнулся.

Это было действительно очень вкусно.

Впервые Доу Инь заслужил от Цзян Сянъи искреннюю похвалу и даже заставил его посмотреть на себя по-новому.

Они с аппетитом ужинали. Юй Чэн вздохнул:

— Сяо Инь, ты и красивый, и характер у тебя хороший, да еще и готовишь. Кому-то с тобой очень повезет.

Доу Инь смущенно улыбнулся, ничего не ответив.

Цзян Сянъи же вспомнил о тайной возлюбленной Доу Иня и спросил:

— Ты в последнее время общался с той девушкой?

Рука Доу Иня замерла в воздухе.

— Нет. Я не знаю, как начать разговор.

— Почему? Не можешь найти тему или что-то другое?

Юй Чэн тоже отложил палочки, готовый помочь другу.

Доу Инь на мгновение задумался.

— Я не очень хорошо умею общаться. И совершенно не знаю, как создать в разговоре... ну, такую, романтическую атмосферу.

— Понимаю, — кивнул Юй Чэн. — Сразу видно, что ты в этом не силен. Ты же у нас пайнька. — С этими словами он положил в миску Доу Иня ребрышко. — Попроси своего наставника научить тебя. Насколько я помню, твоя пассивность по характеру похожа на Цзян Сянъи. Вот на нем и потренируйся.

Цзян Сяньи молча взял палочками ребрышко из миски Доу Иня и переложил его обратно Юй Чэну.

Но Доу Инь, словно получив подсказку, тут же повернулся к Цзян Сяньи.

— А... так можно? Брат И, ты не мог бы мне помочь с практикой?

Встретившись с его взглядом, полным щенячьей мольбы, Цзян Сяньи с тихим стуком опустил палочки на стол.

Перед ним стояли четыре изысканных, восхитительных блюда.

Приготовленных единственным на сегодня пострадавшим.

Который, к тому же, задонатил ему огромную сумму.

Впервые в жизни Цзян Сяньи на собственном опыте понял, что значит чувствовать себя в долгу перед тем, кто тебя накормил.

Он прикрыл глаза и выдохнул одно-единственное слово:

— Ладно.

Ночь в этом районе была тихой. Они неспешно закончили ужин, Цзян Сяньи и Юй Чэн вымыли посуду, и еще некоторое время они просто болтали.

Юй Чэн съездил домой и привез для Доу Иня все необходимое для ночевки.

Цзян Сяньи и Юй Чэн расположились на третьем этаже, а Доу Иня поселили в гостевой комнате на втором.

Его лодыжка болела уже не так сильно, как днем, но отек все еще не спал.

Перед сном Цзян Сяньи, беспокоясь, решил еще раз проведать его.

Было уже за одиннадцать. Он постоял у двери, которая была приоткрыта, и из комнаты лился теплый свет.

Заглянув внутрь, он увидел, что Доу Инь уже лежит в постели с закрытыми глазами.

Непонятно, спал он или нет.

Цзян Сяньи смотрел на него. В неподвижности его черные, густые ресницы казались еще длиннее и отбрасывали на щеки легкую тень.

Почему-то в голове промелькнули слова: «Спящая красавица».

Кажется, Цзян Сяньи начал понимать, почему Юй Чэн так хорошо с ним ладил.

Юй Чэн, как студент академии искусств, ценил красоту во всех ее проявлениях — от красивого камушка на дороге до изысканных цветочных композиций своей матери.

И хотя раньше Цзян Сяньи относился к Доу Иню с предубеждением, он не мог не признать, что тот был невероятно красив.

Его окружало немало привлекательных людей, да и в его сфере деятельности часто встречались интернет-знаменитости с миллионами подписчиков. Он и сам был недурен собой.

Но, если быть честным, Доу Инь, несомненно, находился на вершине этой пирамиды.

От черт лица до роста и телосложения — он принадлежал к тому редкому одному проценту.

Так что симпатия Юй Чэна была вполне объяснима.

Яркий свет лампы отчетливо освещал лицо спящего Доу Иня. Цзян Сяньи не понимал, как можно спать при таком освещении.

«Наверное, забыл выключить».

Недолго думая, он протянул руку к выключателю на стене.

Едва он коснулся его, как Доу Инь, лежавший в постели, внезапно заговорил.

— Не выключай!

В его голосе прозвучала такая паника, что рука Цзян Сяньи замерла.

Доу Инь приподнялся на локте, и его темные, как смоль, волосы водопадом рассыпались по плечам.

— У меня никтофобия, — объяснил он. — Я всегда сплю со светом.

Цзян Сяньи не стал задавать лишних вопросов.

Он постоял мгновение, озаренный светом, затем развернулся и вышел.

Доу Инь проводил его взглядом и разжал ладонь, на которой от сжатых пальцев остались белые следы.

Он не солгал, но, оказавшись в доме Цзян Сяньи впервые, он был так взбудоражен, что не мог уснуть.

«Наверное, Цзян Сяньи опять подумал, что я притворяюсь».

Он снова откинулся на подушку, заставляя себя уснуть.

Нужно было встать пораньше, чтобы приготовить им завтрак.

Вскоре в дверь снова постучали.

— Я не сплю, — удивленно произнес Доу Инь.

Дверь открылась, и на пороге снова появился Цзян Сяньи.

Выражение его лица было все таким же непроницаемым, но в руках он держал симпатичную фигурку — кролика, обнимающего маленький месяц.

Совершенно не в его стиле.

Цзян Сяньи подошел к кровати и поставил фигурку на прикроватную тумбочку.

— Этот свет мягче.

С этими словами он нажал на кнопку, и из луны полился мягкий желтоватый свет.

Сердце Доу Иня дрогнуло. Это был ночник.

Он не ушел, раздраженный, а ходил за ночником.

Цзян Сяньи щелкнул выключателем на стене, и большая комната погрузилась в полумрак, озаряемая лишь теплым светом у изголовья.

В этом свете черты его лица смягчились, стирая обычную холодность.

Даже его глаза, черные, как обсидиан, теперь отливали медовым оттенком.

Доу Инь заворуженно смотрел на него, чувствуя, как пламя в груди разгорается с новой силой, готовое вырваться наружу.

Сделав это, Цзян Сяньи снова направился к двери.

— Семпай.

Доу Инь позвал его, не отдавая себе отчета.

Голос прозвучал хрипло.

Когда Цзян Сяньи обернулся, его разум опустел. Подчиняясь лишь инстинкту, он произнес:

— Можешь пожелать мне спокойной ночи?

Осознание сказанного пришло лишь мгновение спустя. Испугавшись отказа, Доу Инь поспешно добавил:

— Если мы изображаем пару, то должны говорить друг другу...

— Спокойной ночи.

Цзян Сяньи прислонился к дверному косяку, его голос был тихим, почти шепотом.

Слова, предназначенные только для него одного.

Доу Инь замер.

Спустя мгновение жар начал подниматься от кончиков ушей.

Он медленно натянул одеяло до самого подбородка, пытаясь скрыть предательский румянец.

Цзян Сяньи лениво стоял в дверях, скрестив руки на груди.

— Ты же хотел попрактиковаться. Что ты должен мне ответить?

Его магнетический голос взорвался в ушах, словно сцена из сна, повторявшегося бесчисленное количество раз.

Язык Доу Иня онемел, а тело охватила сладкая дрожь.

Он опустил ресницы, снова впиваясь ногтями в ладонь, словно эта острая боль могла усмирить вулкан, дремавший в нем годами.

— Спокойной ночи.

Цзян Сяньи тихо усмехнулся.

Щелк.

Это был звук закрывающейся двери.

Дверь давно была закрыта, а кролик все так же обнимал свою светящуюся луну, преданно разгоняя для него тьму.

В тишине комнаты дыхание становилось все более тяжелым и прерывистым.

Доу Инь резким движением отбросил волосы с лица, открывая покрасневшие, воспаленные глаза.

Он опустил взгляд. Низкое, магнетическое «спокойной ночи» и тихий смех все еще звенели в ушах.

Окончательно смирившись, он поднялся и направился в ванную.

<http://bllate.org/book/13679/1212062>